

Р Ы Б А К И.

П О В Ъ С Т Ъ

В Ъ С Т И Х А Х Ъ.

РЫБАКИ.

ПОВѢСТЬ
ВЪ СТИХАХЪ.

Сочиненіе П.... Ч... ва.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕД.-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

~~~~~
1828.

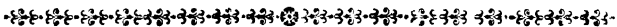

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были *семь* экземпляровъ сей книги въ Цензурныи Комитетъ, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, Генваря 17 дня, 1828 года.

*Въ должности Предсѣдателя,
Цензоръ Сергѣй Аксаковъ.*

Р Ы Б А К И.

П О В Ъ С Т Ъ .

Еще въ природѣ все дремало
Передъ весеннею зарёй ;
Роскошной нѣгой все дышало ,
Вкушая сладоспный покой ;
Еще на небѣ звѣзды млѣли ,
Мерца гаснущимъ огнѣмъ ,
И звуки сладоспной свирѣли
Не раздавались надъ Днѣпромъ .
Его поверхность серебрилась ,
Какъ лугъ, осыпанный росой ;
Еще долина не дымилась ,
Не пускнулъ мѣсяць молодой ; —

Но ужь опть хижины прибрежной
 Покой далеко убѣжалъ,
 И сонъ прекрасной, безмяшежной
 Заботы голосъ перервалъ.

«Ахъ, Яковъ, Яковъ! какъ давно я
 Не спалъ ужь сладкимъ, крѣпкимъ сномъ.
 Теперь спокойно все кругомъ,
 А сердце! . . .»

— Другъ мой, наша доля
 Велишь намъ жизнь влачитьъ средь горя,
 Среди заботъ. Я къ ней привыкъ. . .
 И я бывало сокрушался,
 Какъ ты, до упра просыпался:
 Но все промчалось, — я спарикъ!
 Съ годами сердце каменѣло,
 Трудъ горе выпѣснилъ давно.
 Опть спарца радость улешѣла,
 И мнѣ оспалося одно:
 Ушѣха совѣспи. —

« Другъ милый !

О ! еслибъ могъ я не шужипь
 И слезы горькія не липь ! . . . »
 — За чѣмъ же, грустный и унылый,
 За чѣмъ съ безжизненной душой
 Андрей позволилъ надъ собой
 Владѣшь порывамъ спраспи бурной ? —
 « Ахъ ! кто удержишь вѣсперь буйный ?
 Кто оспановишь громъ небесъ
 И шокъ моихъ горячихъ слезъ ? . . . »
 — Для спраспи умъ. —

« Ахъ ! свѣшь сіяешъ,

Когда все шихо, все молчишь :
 Но онъ мгновенно исчезаешъ ,
 Какъ вѣспрь глухой заговоришь . . .

И я зналъ счастье и радость ,
 И я вполне зналъ жизни сладость —
 Мечпы, надежды юныхъ лѣпъ.

Тогда я жизнью наслаждался,
 Печалью взоръ не омрачался,
 Въ глазахъ сіялъ веселья свѣтъ. —
 Я счастливъ былъ. . . Но, ахъ! не долго
 Меня лелѣяли мечпы; —
 Всѣ блага жизни опняпы
 И, можешъ бышь, увы, надолго! . . .
 Упѣшь меня; могу ль я жишь,
 Скажи, мой другъ, о другъ безцѣнной!
 Могу ль мечпашъ о несравненной?
 Могу ль съ надеждою любишь? . . . »

Спарикъ молчалъ; въ немъ сердце ныло;
 Слеза блеснула—онъ вздохнулъ. . .
 Попомъ лучину шихо вздулъ,
 И пламя хану освѣшило.
 Какъ лугъ на сѣверѣ цвѣшешъ:
 Такъ число въ ней, но все убого;
 Съ излишкомъ многога немного
 И многога недоспаешъ.

Здѣсь неводъ, сѣпи взоръ встрѣчаютъ ,
 Тамъ уда оспрая лежатъ ;
 Все ясно, живо говоритъ ,
 Что рыбаки здѣсь обиваютъ .
 Судьба послала имъ въ удѣлъ
 Свободу—даръ неоцѣненный ;
 Но рокъ угрюмый не ховѣлъ
 Украситъ даръ сей несравненный :
 Онъ дни ихъ грустью отправлялъ ,
 Надежды не далъ въ упѣшенье ,
 И чтожь ? — свободы наслажденье
 Гнетъ тяжкой скорби подавлялъ !

Когда въ душѣ поска гнѣздишься ,
 Когда грызешь ее печаль ,
 Когда шуманной жизни далъ ,
 Что день, то болѣе все шмишься : —
 Тогда ничто насъ не живитъ ,
 Ничто не шѣшитъ, не прельщаетъ ;
 Спрадалецъ смерти ожидаетъ ,

И грусти полный говоришь :

« Приди ко мнѣ, другъ утѣшишель ,
 О смерть, надежда скорбныхъ дней ! —
 И будешь съ жизнью примиришель
 Послѣдній вздохъ души моей ! . . . »

Когда же въ горести глубокой
 И безопрадная любовь ,
 Какъ мысль о участи жестокой ,
 Волнуешь сердце, умъ и кровь :
 Тогда мы жить еще желаемъ ,
 Но жизнь мученіе для насъ ;
 Надежды просимъ, увядаемъ ,
 Томимся грустью каждый часъ ! . . .
 Но какъ ужасно увѣреніе ,
 Чшо наше счастье опжило ! . . .
 « Оно дарило наслажденіе ,
 « Оно, мнѣ помнишея , цвѣло ! . . .
 « Неясный сонъ, но сонъ ужасный !

« Покой послѣдній онъ мушипъ ! »
 Спрадалецъ съ груспью говорипъ.
 Такъ и Андрей, рыбацкъ несчастный ,
 Лишь жилъ спраданіемъ своимъ ;
 Забвенье груспи безопрадной,
 Покой могильный—мрачный, хладный—
 Какъ рѣдко плавали надъ нимъ ! . . .

Бывало онъ совсѣмъ безъ цѣли ,
 Мечпою заняпъ, одиноцкъ
 Садился пасмурный въ челнокъ ;
 Спруи вокругъ его кинѣли ;
 Ихъ шумъ до лѣса доспигалъ ,
 И пробужденный, онъ ропшалъ.
 Вѣспръ надувалъ слегка вѣсприла ;
 Спруя съ спруею говорила ,
 И чолнъ лепѣлъ ; за чолномъ въ слѣдъ
 Волна гремучая бѣжала ;
 Она, казалось, соспрадала
 Къ пипомцу гореспей и бѣдъ.

И часно громы непогоды
 Онъ съ мрачной радостью внималъ ,
 И въ воѣ спонущей природы
 Спраданья сердца попоплялъ.

Но и Андрей зналъ жизни сладость ,
 Всю прелесць юныхъ, нѣжныхъ лѣтъ;
 Въ безпечной нѣгѣ мчалась младость ,
 Въ глазахъ сіялъ веселья свѣтъ.
 Не зналъ онъ грусти и спраданья ,
 Всегда довольный самъ собой ;
 Утрапы, спрасши и желанья
 Его не рушили покой.
 Бывало съ упренней Авророй
 Счасливецъ пѣсню запѣвалъ
 И голосъ громкой и веселой
 До ночи сумрачной звучалъ.

За чѣмъ же, сердцемъ увядая,
 Теперь Андрей всегда унылъ ?

За чѣмъ онъ, въ грусти изнывая,
И память счастья изпробилъ ?

Однажды осень наспушила
И развѣчала долъ и лѣсъ,
И мрачнымъ крепомъ осѣнила
Хруспаль лазуревыхъ небесъ.
Пушистый иней серебрился
На опцвѣщающихъ лугахъ,
Надъ кровлей низкой дымъ клубился,
Туманъ ложился на горахъ ;
Кончались лѣпнія работы,
А съ ними вмѣстѣ и заботы,
И посидѣлки начались.
Часы невидимо неслись
Въ невинныхъ шушкахъ, разговорахъ;
Сіяло счастье во взорахъ
Младыхъ дѣвицъ и поселянъ.
Андрей являлся между ними ;
Онъ ихъ веселье раздѣлялъ :

Но чаще взорами своими
 Онъ взоры дѣвы вызывалъ ; —
 И дѣва та была Нашалья.
 Андрей Нашалю полюбилъ ,
 И всѣ мечпы и всѣ желанья
 Въ одной Нашальѣ заключилъ . . .

Святая Русь ! спрана родная !
 Люблю тебя и дѣвъ твоихъ !
 Я часпо, все позабывая ,
 Смопрю и радуюсь на нихъ .
 Люблю я очи голубья ,
 Люблю встрѣчать я помный взоръ ,
 Люблю я кудри золошья
 И просподушный разговоръ ;
 Они влекутъ непринужденно ,
 Они плѣняють поспешенно ;
 А полный нѣги , робкій взглядъ
 Сулишь рой сладоспныхъ наградъ ! . . .

Я помню время , время счастья , —
 Оно шекло, какъ сладкой сонъ . . .
 Еще мнѣ миль о прежнемъ спонъ ,
 Какъ голосъ дружбы, гласъ учасья ! . . .

Но чшожь Андрей? онъ упопаль
 Въ спихи спраспи своевольной.
 Надеждой сладкой обольщенный,
 Онъ все Напальи разказаль, —
 Онъ разказаль любви волненья,
 Младаго сердца пылкій жаръ,
 Свои желанья, наслажденья,
 Спраспей негаснуцій пожаръ.
 Онъ говорилъ—и взоръ безспраспный,
 Взоръ безъ опвѣпа данъ въ опвѣпъ;
 И въ сердцѣ юноши ужасный
 Вдругъ просіяль какой - то свѣпъ,
 И онъ вздохнулъ, вздохнулъ глубоко.
 «Оспавъ меня! бѣги далёко! . . .

Бѣги, бѣги! — прошу одно —
 Намъ счастья вмѣстѣ не дано. . . »
 Такъ дѣва юная сказала;
 Она опвѣшомъ симъ желала
 Любовь Андрея погасишь;
 Но онъ не могъ ужъ разлюбись,
 Любя однажды. Онъ перзался,
 Въ догадкахъ ревности перялся,
 Надежду въ помощь призывалъ,
 И молча плакалъ и вздыхалъ.
 Свидѣшель грусти и несчастья
 Съ нимъ вмѣстѣ Яковъ горевалъ,
 И нѣжнымъ, дружескимъ учасьемъ
 Спрананья сердца облегчалъ.
 Любилъ онъ искренно Андрея,
 Онъ говорилъ, льщишь не умѣя:
 « Андрей! надменную забудь,
 Очарованья нѣжныхъ взоровъ. . .
 Не дѣлай ей своихъ укоровъ, —
 Одною дружбой счастливь будь.

Еще ты можешь возвратишь
 Души умчавшуюся младость ;
 Еще, Андрей, ты можешь жить
 На наслажденье и на радость ! . . .
 И чтожъ ? лишь слезы и вздыханья —
 Скажи, мой другъ! — уже ли вѣчно ?
 Уже ли въ горести сердечной
 Душѣ опрады не искаешь ? . . .
 Минуть лѣта спросишь, желаній ; —
 Тогда и ты вздохнешь, Андрей,
 За чѣмъ дни юности своей
 Убилъ для жизни, упованій ! . . . »

Такъ спарецъ часто полковалъ
 Въ любви несчастному Андрею ;
 Но онъ любовь не преспавалъ
 Душою пылкою своею.
 « Оставь мнѣ грусть ! онъ говорилъ :
 Я не могу забыть жестокой ;
 Презрѣшь ее въ душѣ нѣтъ силъ !

И мнѣ увяшь въ шокѣ глубокой!
 Мнѣ счастье знашь, какое знаешь
 Рыбакъ, оставя милый брегъ!
 Ахъ! мнѣ изплѣшь, какъ изплѣваешь
 Въ пѣни долины поздній снѣгъ! . . . »
 Онъ умолкалъ; но взоръ ужасный
 Огнемъ спросеи еще пылалъ;
 Онъ вздохъ сердечный испускалъ,
 Какъ грусти дань, какъ дань прекрасной...

Я К О В Ъ.

Когда преспанешь ты вздыхаешь?
 Когда не будешь ты спенаешь?
 Когда? когда? О! даль бы Боже,
 Чпобъ могъ себя я вразумишь!

А Н Д Р Е Й.

О милый другъ! ничпо не можешь -
 Меня опъ спрасти изцѣлишь! . . .
 Мнѣ кончить жизни пущь унылой
 Въ мученьяхъ грусти роковой!

Напалы образъ вѣчно-милой
 Всегда, вездѣ, всякъ часъ со мной.
 Успа ли вздохъ опкроюшъ помный —
 Напалы имя на успахъ ;
 Проснусь ли въ полночь груспи полный—
 Она опяшь въ моихъ мечшахъ ,
 Она опяшь въ моихъ очахъ ! . . .
 Ты примѣчалъ, какъ свѣшь луны
 Соединяешся съ шмой ночи ,
 Какъ за мечшами льюшся сны ,
 Какъ сонъ швой смыкаешъ очи :
 Такъ я съ Напалей съединень ,
 Такъ съ ней ничѣмъ не разлучень ! . . .

Я К О В Ъ.

И ты надѣшся, несчастный ?

А Н Д Р Е Й.

Такъ, милый другъ ! . . . Роса живишь
 Увядшей розы цвѣшь прекрасный, —
 А мнѣ ль надеждою не жишь ? . . .

Какъ счастливъ я и средь мученья,
 Когда невидимой рукой
 Мой Геній сышлетъ надо мной
 Цвѣты безцѣннаго забвенья!
 И ты, мой другъ, не ошкрывай
 Мнѣ испинь горькихъ увѣренья;
 Съ меня покрова заблужденья
 Рукой суровой не срывай! . . . »

Такъ говорилъ Андрей, свѣшлѣя,
 И спарца нѣжно обнималъ;
 И сей блаженство обрѣпалъ,
 Зря счастья лучь въ очахъ Андрея.

Однажды—медленно съ небесъ
 Скапилось солнце за рѣкою;
 Злашой подернушъ бахрамою
 Подъ нимъ синѣль дремучій лѣсъ. —

Нашалъя съ поля возвращалась ;
 Тропа вилася надъ рѣкой ;
 Спирюя луной осеребрялась
 И вдалѣ бѣжала за спруей.
 Все дѣву юную плѣняло ,
 Все дѣвы взоръ обворожало
 Луной сребримая рѣка
 И спруй невнятное шептанье ,
 Лазурь небесъ и звѣздъ мерцанье,
 И дальній голосъ рыбака.
 И вопль—чуть слышимые поны
 Перелилися , понеслись ;
 Вопль повспорились будно споны , —
 И снова вѣтромъ разнеслись . . .
 Но голосъ ближе и звучнѣе . . . .
 Вопль онъ уныло раздался ,
 И снова громче и грустнѣе
 Уснувшій брегъ опозвался.
 Нашалъя съ грустію внимала
 Печальной пѣсни рыбака ,

И при лунѣ она узнала
 Смиренный парусъ челнока.
 Вопъ ближе онъ. . . . Рыбакъ унылый
 Склонилъ угасшій взоръ къ спруямъ ;
 И въперъ нѣжный, легкокрылый
 Прибилъ челнокъ къ сѣдымъ скаламъ.
 Рыбакъ излучисной пропою
 Между спремнинъ на брегъ побрель ;
 Вопъ онъ явился надъ рѣкою ,
 Какъ пѣнь, измученный поскою ,
 И успремилъ на небо взоръ.
 « Когда окончатся спраданья ?
 Когда безъ муки, безъ желанья
 Андрей спокойно будешь жить ? —
 Когда прервется жизни нить ? . . .
 Тогда, бышь можешь, соспраданья
 Слеза блеснешь въ ея очахъ ,
 И скажешь : онъ на небесахъ,
 Ужь не спрадаешь , не помися ! . . .
 Но если съ смерпью не лишился

Моя душа любви спросей,
 Тогда что въ самомъ небѣ ей? . . .
 Люви ужасныя спраданыя! . . .
 Нашалья! . . .» Тяжкія спенанья
 Прервали рѣчь — по былъ Андрей.

Нашалья гореспно вздохнула;
 Слеза въ глазахъ ея блеснула.
 Она сказала: «ахъ, Андрей!
 Уже ли ты забышь не можешь
 Твоихъ печалей всѣхъ вину —
 Забышь меня, меня одну? . . .
 Ты бурной спраспію превозишь
 Невозмущаемый покой,
 И наслажденья и мечпанья
 И самый сонъ превозишь мой.
 Повѣрь ты мнѣ: — когда желанья
 Своей души передъ Творцомъ
 Я опкрываю,—объ одномъ

Его молю , къ Нему взываю
 И слезы грусти проливаю :
 Судьба и участь всѣхъ людей ,
 О Боже мой ! въ Твоей десницѣ ;
 Не попусти, чшобъ по дѣвицѣ
 Увяль спрадающій Андрей ! . . .
 Я не виновна, — Ты свидѣшель
 Моихъ желаній. О Содѣшпель !
 Андрея съ жизнью примири ;
 Ему Ты щаспье возвраши ! . . . »

— Какое счастье? — Наслажденье
 Безъ милой сердцу обрѣшашь—
 Все пожь, чшо солнца восхожденье
 Съ его заката ожидашь . . . .
 Когда же ты, мой другъ безцѣнной ,
 Не хочешь жертвѣ моей любви ,
 Хошя надежду обнови
 Души , спраданиемъ изнурѣнной.

Одна надежда , можетъ бышь ,
 Мнѣ возвратишь всю жизни сладость ! —
 Ахъ ! съ упованіемъ любишь ,
 Жестокой другъ , одна мнѣ радость ! . . .
 Я много горя испышалъ ,
 Я позабылъ и имя : *счастье* ,
 И друга нѣжнаго участие —
 Въ борьбѣ спросей — я проклиналъ .
 Ахъ ! взоръ , исполненный слезами ,
 Былъ острый ножъ душѣ моей ,
 И Богъ за яркими звѣздами ,
 Мнѣ мнилось . . . —

« Андрей ! Андрей ! . . . »

— Но ты , мой другъ , одной улыбкой
 Спрадальца можешь оживишь ,
 И я — жестокою ошибкой —
 Я буду счастливъ , буду жить ! . . . —

Но онъ не зналъ , что близко время ,
 Когда онъ сброситъ жизни бремя .

Какъ дни изгнанника пекушь
 Въ спранѣ чужой, въ спранѣ немилый!
 Какъ мало радостей даюшь
 Они душѣ его унылой!
 Но онъ надеждой оживленъ;
 Закрыпо будущее мглою.
 Ахъ! можешъ бышь, своей судьбою
 Друзьямъ онъ будешъ возвращенъ! . . .
 И ты за чѣмъ, Андрей, съ поскою
 На дѣву юную глядишь?
 Поникнувъ на руку главою,
 Чшожь ты еще не говоришь? . . .

Ты говорилъ—но все напрасно! —
 «Ужь я съ другимъ обручена!
 Ужь я другому ошдана! . . .
 Забудь меня, Андрей несчастный!
 Забудь навѣкъ, прошу тебя! . . .
 Но если можешъ ты себя
 Переменить — тогда гопова
 Любишь, какъ брата дорогова,

Тебя, Андрей! но про любовь
 Не говори со мною вновь. . . . »

Андрей споялъ, какъ оглушенный
 Ударомъ грома, какъ злодѣй,
 Внимая приговоръ судей,
 Спойшь, мученью обреченный.
 Межъ тѣмъ на небѣ голубомъ
 Луна печальная дремала;
 Но тѣнь одна уже лежала
 На брегѣ дикомъ и крупомъ.
 « Напалѣя скрылась! . . . Боже, Боже! . . .
 И жипь шеперь, Андрей, на что же? —
 Тебя Напалѣя бѣжипь;
 Она глуха къ швоимъ спраданьямъ.
 Конецъ, сказала, упованьямъ!
 Но мнѣ ль, но мнѣ ль ее забышь? . . .
 Я самъ къ погибели спремился;
 Последнїй лучъ опрады скрылся.
 Надежда милая, проспи! . . .
 И шамъ шеперь, Андрей, груспи

Безъ упѣшенья , безъ опрады ;
 Не жди за муки пы награды ;
 Томись , крушись и слезы лей ,
 И въ люной скорби пихо шлѣй ! » . . .

Кпо примѣчалъ , какъ за горами
 Ложился , солнце и тѣнями
 Мрачился даль ? Вопъ темный лѣсъ
 Едва примѣпень ; онъ исчезъ . . .
 Вопъ шумъ деревни упихаетъ ;
 Ее ужъ нѣпъ ; а вопъ и лугъ
 Въ шуманѣ скрылся , и вокругъ
 Все посшепенно исчезаетъ ,
 И горизонтъ съ побой сливаетъ
 Ночная мгла . — Чипашель мой !
 Вопъ жизнь Андрея ; — и покой ,
 И радость опъ него сокрылись ,
 Надежды грусшью омрачились .
 И чпожъ дано ему судьбой ?
 Одна шоска , одно спраданье ! . . .
 Куда же взоръ онъ обратишь ?

Чшо можешъ сердце усладить? —
 Вокругъ могильное молчанье. . . .
 Все скрыла мгла — и звѣздъ блиспанье
 Уже ему не говоришь
 О лучшемъ мѣрѣ. Онъ не чаешь,
 Не хочешь вѣришь, не желаешь
 Жить за могилою : — « Творецъ !
 Всѣ говоряшь : любовь сердець
Тамъ не погаснешъ ! . . . Но когда
 И *тамъ* мнѣ знашь любви спрданья ,
 И шамъ не знашь мнѣ упованья,
 Не знашь оправды : — ахъ ! тогда ,
 Тогда чшо будешь? . . . Верхъ спрданья! . . .
 И *тамъ* и *здѣсь* . . . и *здѣсь* шужишь
 И преспешашъ опъ ожиданья !
 Одно сноснаѣй. За чѣмъ же живъ ? —
 Такъ, шакъ, конецъ моимъ спрданьямъ ,
 Конецъ надеждамъ, упованьямъ . . . .
 Есть Днѣпръ ! . . . »

— Еспь Богъ , рыбаць! къ Нему,
Къ Нему прибѣгни одному! —

Андрей вздрогнулъ, оборонился :
Чернецъ съ сѣдою бородой
Перспомъ на грѣшника грозился.
Андрей сказалъ : « Опець свяшой !
Ахъ , не буди воспоминаній
О счастливы юности злопой ,
Когда я—полный упованій—
Прельщался сладкою мечшой :
О смерпный, смерпный, блажь Всеильный !
Къ Нему съ молишвой взоръ умильный . . . .
Такъ я мечпалъ — и . . .

Ч Е Р Н Е Ц Ъ .

Съ нами Богъ ! . . .

Перекрестись, мой сынъ! подумай,
Чшо ты сказалъ . . . .

А Н Д Р Е Й .

Сказашь чшо могъ . . . .

Какъ часто я съ молебной думой

Свой взоръ на небо обращалъ ;
 Но я душѣ не обрѣшалъ
 Ни ушѣшенья , ни оправды.

Ч Е Р Н Е Ц Ъ .

Не спавъ ропшаньемъ пы преграды
 Межъ Богомъ и душой своей.
 Твоя надежда—Богъ, Андрей !

А Н Д Р Е Й .

Надежда сгнбла ! . . . Изнуренный ,
 Я , въ жерпву спраспи обреченный ,
 Забылъ молишвы прежнихъ дней.
 Теперь не то , что было прежде ; —
 Я уповалъ въ свяшой надеждѣ
 Смягчишь сердечною мольбой
 Безъ мѣры горькой жребій свой ; —
 Но чтоожъ Творецъ . . .

Ч Е Р Н Е Ц Ъ .

Что пы взываешь ! . . .

Коль не забылъ , когда пы знаешь ,
 Что будешь памъ—памъ , въ жизни шой . . .

А Н Д Р Е Й.

Кпо поперялъ навѣкъ покой ,
 Кпо дней опрадныхъ не имѣеть ,
 Кого надежда не лелѣеть , —
 Тому ль о будущемъ мечпашъ?
 Въ грядущемъ можешь онъ чипашъ
 Свою судьбу — вѣка помленья !
 И чпо возможешь замѣнишь
 Любви взаимной наслажденья ? . . .
 Одно просилъ , хопѣлъ любипь ,
 Любипь безъ муки , безъ спраданій' ;
 Одно желалъ я получишь :
 Предмешъ увялыхъ упованій ! . . .
 Но безъ Нашали ? . . . . — Пусшь Творецъ ,
 Пусшь даспъ Свяшаго мнѣ вѣнецъ , —
 Онъ мнѣ не нуженъ (*) ! »

(*) Вопшь до чего доводяшь спрассти , неуправляемая разумкомъ .

И смолкая ,
 Андрей несчастный сѣлъ въ челнокъ ;
 И легкокрылый вѣшерокъ ,
 Вѣприла слабо надувая ,
 Его опъ брега удалялъ.
 И долго съ груспію споялъ
 Чернецъ печальной, онѣмблой ;
 Главою , въ кельѣ посѣдлой ,
 Онъ съ содроганіемъ качалъ.

Молва гласитъ : вообще Андрея
 Въ попъ вечеръ Яковъ ожидалъ ,
 И объ усопшемъ, въ груспи плѣя,
 Не рѣдко слезы проливалъ.
 Когда же шеплилась порою
 Передъ Иконою свяною
 Его душа,—онъ возсылалъ
 Одну мольбу, одно желанье :
 » О Боже ! я Твое созданье ;
 Моимъ молишвамъ Ты внималъ, —

Внемли и нынѣ ! грѣхъ Андрея
 Гошовъ я на душу принялъ ;
 Гошовъ, оправды не имѣя ,
 Всѣ муки жизни испытаю ;
 Гошовъ. . . . но Ты , непоспужимый
 Въ своихъ намѣреньяхъ, Творецъ !
 Но Ты, мой Богъ, мной вѣчно чшимый ,
 Несчастливыхъ, спраждающихъ Опець ! —
 Проспи Андрею грѣхъ ужасный ,
 Самоубійцу Ты проспи ! —
 И спарець дряхлый и несчастный
 Возможесть радоспъ обрѣспи ! » . . .

